

**Журнал министерства народного
просвещения 1890, №5.**

Веселовский А.И.

**МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ
БЫЛИНАМЪ¹⁾.**

XVI

Илья-шахъ.

**Следующими сообщеніями я обязанъ
любезности проф. В. Д. Смирнова²⁾; Илья-
шахъ заинтересовалъ меня своими
возможными отношеніями къ нашему Ильѣ.
Первый является въ числѣ витязей
поздняго компилятивнаго романа, въ**

¹⁾ См. *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ мартовскую книжку.

²⁾ См. его сообщеніе въ собраніи ориенталистовъ, *Голосъ* 1876 г., № 240.
Свѣдѣнія о Тартуси я заимствовалъ, по указанію проф. Залемана, у *Mohl*,
Livre des rois I, Preface, стр. LXXXVI слѣд., и изъ *Catalogue of the turkish
Manuscripts in the British Museum*. London, 1888, стр. 219—222.

¹⁾ Die Fahrten des Sajjid Batthal, von *Hermann JEtthe*, Leipzig, 1871, стр. 75—7».

подражаніе Шахъ-намэ, сохранившагося въ одной турецкой рукописи бібліотеки С.-Петербургскаго университета подъ заглавіемъ: «Исторія, излагающая, на основаніи сказаній древняго мудреца Тертуса, обстоятельства древнихъ времянь». Подъ Тертусомъ разумеется Abu-Thahir Ibn-Hasan Ibn-Ali Ibn Musa-et Thartusi или Tarsusi, плодовитый арабски компиляторъ романовъ, съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ эпической и баснословной исторіи Персіи. Ему приписываются обширные романы: Darab Nameh, Kaherman Nameh и Kiran Nameh; турецкій переводъ послѣдняго сдѣланъ былъ въ XV вѣкѣ; единственный terminus a quo для опредѣленія времени Тартуси, произведенія котораго, кажется, много читались. Въ одной персидской рукописи Азіатскаго музея Императорской Академіи Наукъ сохранился съ его именемъ романъ объ Александрѣ Македонскомъ съ примѣсь именъ и приключеній изъ Шахъ-намэ; «Исторія» университетскаго списка могла быть переводомъ или пересказомъ

подобной же компиляціи: имена дѣйствующихъ лицъ (Самъ, Заль, Рустемъ, Афросьябъ и др.), миѳологическихъ существъ (Симургъ, Аждагакъ и др.) и мѣстностей (Туранъ, Иранъ, Кафъ = Кавказъ и др.) относятся насъ къ Шахъ-намэ; другія подробности (имена Адама, Соломона, Идриса, Хызра и т. п.; упоминаніе Торы и Псалтыри) принадлежать мусульманину. Разказъ ведется прозой, иногда перемежающеюся стихами; такъ, напримѣръ, вся переписка витязей въ стихахъ; содержаніе романа: повѣсти о богатырскихъ подвигахъ, не всегда вяжущіяся другъ съ другомъ. Изъ эпизодовъ особое вниманіе обращаютъ: разказъ о борьбѣ хорасанскаго витязя Кагира поочередно съ Рустемомъ, Залемъ, и наконецъ, Самомъ, который оказывается отцемъ Кагира, о чемъ противники узнаютъ отъ другихъ лицъ въ роковой моментъ борьбы; разказъ о войнахъ упомянутыхъ богатырей съ грузинами, при чемъ приводятся имена грузинскихъ пеглевановъ и царя Шиганоса.

Илья-шахъ упоминается часто, въ первый разъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ то время, какъ Заль и Рустемъ, разлучившись съ Самомъ, пришли въ диванъ Сулеймана (пророка Соломона) и, получивъ дозволеніе, собрали сорокъ тысячъ войска, джинны принесли имъ палатки и кибитки. Затѣмъ Заль поцѣловаль Рустема въ очи и сказалъ:

«Смотри, краешекъ печени моей, не зъвай на счетъ Хорасановъ, будь остороженъ». Рустемъ сказалъ: «Эй, отецъ, слава Богу! въ настоящее время храбрость, богатырство пришло роду Кагриманову, а на остальныхъ стоитъ ли обращать вниманіе!» Заль увидѣль, что Рустемъ гордится и сказалъ: «Ну, дай Богъ ему добра».

Они разстались; Рустемъ отправился въ Багдадъ, гдѣ пребываль Илья-шахъ. Когда достигъ города, увидѣль два расположенные лагеремъ войска. Войско Рустема стояло на берегу Шата; узнавъ о прибылі Рустема, Илья-шахъ выѣхаль ему

на встрѣчу, свиделся съ нимъ и прижалъ его къ своей груди. Когда Рустемъ пришелъ въ диванъ Ильи-шаха, увидѣлъ, что на мѣстахъ его предводителей сидятъ то джинны, то люди, то какіе-то аснемгяны, а самихъ-то никого нѣтъ. На его вопросъ, что съ ними случилось, Илья-шахъ вздохнулъ и сказалъ: «О сынъ богатырскій! Эти серверы (главари) теперь пленниками въ хорасанскомъ войскѣ; таковы-то дѣла, содѣянные Кагиромъ» (шахъ Хорасана). Рустемъ пришелъ въ ярость и сказалъ: «О шахъ! Богъ дастъ, я расправлюсь съ нимъ». По его приказу, Кагиру написано письмо съ требованіемъ выдачи плѣнныхъ главарей и послано съ пѣшеходомъ.

Изъ непосредственно слѣдующаго эпизода оказывается, со словъ «Тартуса–мудреца», что Кагиръ полонилъ Картуса: Кей–Кауса Шахъ-намэ, Киркоуса нашей сказки о Русланѣ.

Кагиру сообщаютъ, что отъ Ильи–шаха прибылъ вѣстникъ; читаютъ письмо, требующее, чтобы Кагиръ выдалъ плѣнныхъ и поцѣловалъ тронъ Ильи–шаха,

коли хочеть быть цѣль; не то, пусть завтра выходить на мейданъ. Кагирь выѣзжаетъ вооруженный, туда же является и Рустемъ съ Ильей-шахомъ, съ народомъ сыновъ Израиля, ихъ беками и арабскими главарями. Выѣхавъ впередъ, Рустемъ и Кагирь поздоровались, спросили другъ у друга о родѣ-племени и вступили въ борьбу, перешедшую въ общій бой. Подъ конецъ Кагирь спѣшивается, подходитъ къ Рустему и говоритъ: «Мы вѣдь были съ тобой пріятелями!» «Ахъ ты цыганъ», отвѣчаетъ ему Рустемъ, «какая можетъ быть у меня съ тобою дружба!» Потомъ они сговорились, что кто храбръ, тотъ долженъ быть и благороденъ; сошлись и стали пировать. Рустемъ сообщилъ свою родословную, сказалъ, что онъ равенъ въ мужествѣ Саму, но не знаетъ, гдѣ онъ, и заплакалъ. Тогда Кагирь сказалъ, что онъ сынъ Сама, и оба витязя плачутъ отъ радости.

Рустемъ не вернулся къ войскамъ. «Гдѣ онъ» спрашиваетъ Илья-шахъ и остолбенѣлъ, узнавъ отъ джиновъ, что онъ

вмѣстѣ съ тѣмъ «индѣйцемъ» (Кагиромъ) уѣхалъ къ хорасанскому войску. «Что значитъ отъѣздъ Рустема съ тѣмъ «цыганомъ?» (зенги) спрашиваетъ Илья-шахъ Картуса (освобожденнаго Рустемомъ). «А это значитъ, что цыганъ одолѣлъ Рустема, который и покорился ему»

Между тѣмъ Рустемъ съ Кагиромъ прибыли во дворецъ послѣдняго, одѣлись и возсѣли на тронѣ въ диванѣ Джемгура, которому Кагиръ и представилъ Рустема. По его совѣту, Джемгуръ пишетъ Ильѣ-шаху письмо, въ которомъ онъ названъ арабскимъ царемъ (шаги-арабъ) и приглашается покориться, чтобы позже не пришлось ему плохо. Илья-шахъ закручинился, пишетъ письмо къ Сулейману и посылаетъ съ джинномъ вмѣстѣ съ посланіемъ Кагира. По приказу Сулеймана, Заль собралъ сорокъ тысячъ войска и отправился къ Багдаду, гдѣ сталъ на берегу Шата. Когда онъ явился къ Ильѣ-шаху, увидѣлъ всѣхъ главарей на своихъ мѣстахъ: это Рустемъ освободилъ

ихъ. Узнавъ объ его удаленіи, Заль пишетъ ему укорительное письмо, на которое отвѣчаетъ разгнѣванный Кагиръ; на послѣдовавшій затѣмъ мейданъ Заль съ Ильей-шахомъ являются до разсвѣта; ихъ войско расположилось, войско дивовъ и джинновъ утвердилось въ воздухѣ, а надъ ними париль Симургъ. Сраженіе, въ которомъ Заль раненъ, кончается мировой; по распоряженію Ильи-шаха обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла написано письмо пророку Сулейману. — Новый походъ Заля и Ильи-шаха на хорасанское войско, и новое посланіе съ докладомъ Сулейману.

Послѣ многихъ битвъ и сраженій разказывается слѣдующее: возвратившись, Самъ пришелъ въ палаты Ильи-шаха. Ъли, пили и благодарили. Илья-шахъ говоритъ Саму: «Ты крѣпко бился съ этими злодѣями, но почему же не привелъ ихъ?» «Потому что всѣ люди съ сердцемъ: еслибы я привелъ ихъ, ни тебѣ, ни намъ не было бы пользы». «Что же ты самъ не приходилъ доселѣ?» «Потому что не слѣдовало, не одолѣвъ вполнѣ».

Хорасанцы разбиты; Картусь взялъ въ плѣнъ Джемгура и множество казны. Шахи джинновъ ушли съ дивами кандагарскими; Илья-шахъ, Самъ, Заль и Рустемъ съ беями кандагарскими пришли въ палаты Джемгура, Илья-шахъ возсѣлъ на его тронъ, Самъ у подножія, прочіе по своимъ мѣстамъ. Обо всемъ дали знать Сулейману; къ нему же отправили и военно-плѣнныхъ, которыхъ онъ помиловалъ.

Сулейманъ пишетъ письмо Саму и Рустему: «О Рустемъ, завоевывай владѣнія твоего отца и дѣда до могилы Адама, страны Индъ и Синдъ, а на мое мѣсто признавайте каймакамомъ Илью-шаха».

Далѣе разказъ переходитъ къ грузинамъ: развѣдчики Шиганосъ-шаха встрѣчаютъ Заля и его спутниковъ и спрашиваютъ: кто они? Тѣ отвѣчаютъ, что они—послы Сама и Ильи-шаха.

Война съ грузинами; Илья-шахъ говоритъ Саму, что надо извѣстить Сулеймана: пусть пошлетъ на помощь дивовъ или птицъ. Сулейманъ сообщаетъ объ этой просьбѣ Симургу; тотчасъ

приготовили двѣсти парь птицъ, которыя и полетѣли на помощь Саму. Тамъ увидѣли птицъ величиною съ гору, длиною въ фарсахъ (персидская миля); передъ ними шла огромная двуглавая птица. Грузины съ своей стороны также изготовились къ бою.

Романъ не конченъ.

Профессоръ Смирновъ относитъ время написанія рукописи, то-есть, основной ея части, за исключеніемъ подновленій, приблизительно ко второй половинѣ XVIII вѣка; въ числѣ орудій битвы, упоминаемыхъ въ разказѣ, встрѣчаются барабаны и пушки. Языкъ памятника близокъ къ турецкому малоазіатскому нарѣчію, почеркъ въ болѣе древней части рукописи также турецко-малоазіатскій, въ новой — крымско-татарскій. Географія, среди которой развивается дѣйствіе романа, широкая: Іерусалимъ—и «островъ влюбленныхъ»; Кафъ, Грузія, Багдадъ на берегахъ Шата, гдѣ властвуетъ Илья-шахъ. Если признать въ послѣднемъ отраженіе русскаго Ильи, то это указало бы намъ на какія-нибудь южно-русскія эпическія

преданія о немъ, случайно введенныхъ въ связь съ канвой Шахъ-намэ — и Сулейманомъ. Провѣрить это предположеніе мы не въ состояніи: въ Ильѣ-шахѣ нѣтъ ничего кромѣ имени, что напоминало бы наши былины; даже бой съ сыномъ, мотивъ, привязавшійся къ Ильѣ въ русскомъ эпосѣ, отнесенъ въ романѣ; къ другимъ лицамъ. Да и вообще Илья-шахъ мало дѣятеленъ: онъ больше присутствуетъ при событіяхъ, чѣмъ участвуетъ въ нихъ; между тѣмъ въ эпизодѣ борьбы съ хорасанцами онъ садится на престолъ побѣжденнаго Джемгура, а Сулейманъ указываетъ на него, какъ на своего преемника. Этотъ приѣмъ скорѣе всего свидѣтельствуется о компиляторѣ, который могъ слышать объ имени и эпической славѣ Ильи, но не былъ знакомъ съ матеріаломъ сказанія о немъ. Не забудемъ однако, что всѣ эти соображенія основаны исключительно на тождествѣ имени, и что, напримѣръ, богатырь Ильюнъ встречается въ турецкой эпопее Сейидъ-Батталъ-Гази:

«Были у Кесаря два гяура, одинъ по имени Ильюнъ, а другой Гаманъ». Въ нашемъ романѣ Илья-шахъ — правоверный мусульманинъ, творящій намазъ.

Болѣе подробное обслѣдованіе турецкаго романа, пересказаннаго нами, было бы не бесполезно, хотя бы затѣмъ, чтобы убѣдить насъ, что въ Ильѣ-шахѣ нечего искать Илью русскаго. Важнѣе всего было бы опредѣлить отношенія турецкой компиляціи къ предполагаемому имъ подлиннику Тартуса, если упоминаніе этого имени можетъ быть истолковано въ смыслѣ дѣйствительнаго подлинника, а не эпическихъ матерій вообще, которыя обработывалъ Тартусъ. Въ томъ и другомъ смыслѣ выяснилось бы значеніе эпизода объ Ильѣ-шахѣ, ибо для вопроса, насъ интересующаго, не безразлично, принадлежитъ ли онъ оригиналу турецкаго пересказчика, или ему самому.

Большой стихъ о Егоріи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ.

Кромѣ малаго стиха о чудѣ Егорія съ змѣемъ (см. Разысканія, II, стр. 125), русская народная поэзія знаетъ еще большой стихъ о немъ (1. с., стр. 136 и слѣд.), пересказывающій его апокрифическое мученіе и представляющій во второй своей половинѣ своеобразно разработанные элементы того же чуда. Источникомъ этого стиха я призналъ (1. с., стр. 139) такую редакцію легенды о св. Георгіѣ, гдѣ чудо съ змѣемъ помещалось послѣ мученія¹⁾, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній и успеній, которыя къ апокрифѣ являются какъ родъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притянуто было въ житіе и составило съ нимъ нѣчто цѣлое.

1) Подобное сочетаніе мученія и чуда представляетъ бѣлорусскій сборникъ Чудова монастыря № 62—264, XVI вѣка. Сл. *Чтенія въ Импер. Общ. Исторіи и Древностей* 1889 г., III: Библиографическіе матеріалы, собранные А. Н. Поповымъ, стр. 49 слѣд. Мученіе кончается на л. 620 об.: Язь же Посикрать... вослѣдовалъ свое гна страданію. і ѿ всѣхъ извѣстно на память христоробивымъ страстополюнникамъ вчинихъ. — Л. 621 лиц.: Чюдо святого Егорьги № ' зми. Нач. Како изреку страшную и преславную сию тайну. — «Это непосредственный источникъ русскаго духовнаго стиха о Георгіи» (рукописная замѣтка А. Н. Попова, 1 с., стр. 55).

Не измѣняя этому воззрѣшенію, я попытаюсь пойти далѣе, поставивъ вопросъ: по какой схемѣ развить былъ въ большомъ стихѣ моментъ чуда, не имѣющій ничего общаго съ постановкой этого момента въ маломъ стихѣ о Егоріи и Елисаветѣ?

Напомнимъ содержаніе большого стиха. Разказывается о мученіяхъ Егорія; Демьянище заключаетъ его въ погреба, засыпаетъ песками рудожелтыми. Чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ — и ѣдетъ отплатить дружбу прежнюю своему мучителю, полонившему и его сестеръ. Слѣдуетъ та часть стиха, которая насъ особливо интересуеетъ: на пути къ Демьянищу Егорій встрѣчаетъ рядъ заставъ: горы толкучія, лѣса, рѣки; сестры Егорія, пасущія стадо звѣриное или змѣиное; змѣй или змѣи, съ которыми Егорій бьется; чудесная птица Нага (Нага; птицы ногайщины; Черногонъ; Черногаръ; Нага Астрахтирь, Острафилъ, Стратимъ), сидящая на херсонскихъ, іерусалимскихъ, сибирскихъ и т. д.

вратахъ, либо на вратахъ, на крыльцѣ у Демьянища (Безсоновъ, Калѣки, I, № 101, стр. 419, № 111, стр. 492): она унесетъ прѣзжаго «во чисто поле — Малымъ дѣтяхъ на сѣденіе» (1. с., стр. 473, въ примѣчаніи). Уже затѣмъ слѣдуетъ встрѣча Егорія съ Демьянищемъ, котораго онъ и убиваетъ, освободивъ сестеръ.

Но и самого Демьянища стихъ представляетъ змѣемъ: онъ шипитъ по змѣиному, какъ змѣй летаетъ; онъ даже названъ однажды Горынычемъ: это: «глубокій змѣй» апокрифа. Если такъ, то змѣй, съ которымъ раньше бился Егорій, и Демьянище явятся дублетами — и ясно, что приращеніе явилось со стороны змѣя: до встрѣчи съ нимъ всѣ заставы обходились Егорию мирно: горы и лѣса расходились, разсту-пались; бой съ змѣемъ прерываетъ эту послѣдовательность, предвосхищая окончательную борьбу съ змѣемъ-Демьянищемъ. Первоначально порядокъ могъ быть такой: заставы, птица — и змѣй Демьянище. Такъ и въ эпизодѣ заставъ въ нѣкоторыхъ былинахъ о Дюкѣ: птицы

клеучія — и змѣище Горынчище (Южно-русскія былины, вып. II, стр. 534). Названіе птицы: Нага могло быть внесено изъ стиха о Голубиной книгѣ, но имя птицы, можетъ быть, осмыслило ея тѣсную связь съ насильникомъ Демьянищемъ, путь къ которому она стережетъ. Напомню по этому поводу румынское преданіе: когда татары-нагаи нагрянули на Молдавію, жители попрятались по болотамъ, въ камышахъ, но татары открыли ихъ при помощи пиголицъ, которыхъ выпускали въ большомъ количествѣ и которыя, завидѣвъ бѣглецовъ, наводили на нихъ татаръ своимъ чириканьемъ. Пиголица и зовется поэтому татарскою птицей, татарскою собакой — и Nagatu, Nogata¹).

Предположенный нами древній планъ большого стиха о Егоріи въ эпизодѣ чуда (чудовищная птица—насильникъ-змѣй) я попытаюсь объяснить въ связи съ русскими сказками объ Ильѣ и Змѣѣ.

¹¹) Новыя книги по народной словесности, *Журн. Мин, Нар. Провв.*, ч. ССXLIV, отд. 2' стр. 213 -214.

Мнѣ извѣстны четыре сказки объ Ильѣ-змѣборцѣ.

1) Одна изъ нихъ, сообщенная Кирѣевскимъ (Пѣсни, I, приложенія стр. I—IV), напечатана у Аѳанасьева, Народныя русскія сказки, № 175. Схема такая: а) Илья сидень (эпизодъ о дѣтствѣ), ѣдетъ биться съ змѣемъ; по дорогѣ встрѣчи: баба-яга, ея сестра, и б) Соловей; с) бьется съ змѣемъ и освобождаетъ царевну, которую миловалъ змѣй: онъ ее извелъ, изсосалъ.

2) Вариантъ у Драгоманова (Малороссійскія народныя преданія и разказы, стр. 248—249) ограничивается боемъ съ змѣемъ: царь отдалъ дочь на пожраніе змѣю, но она ему понравилась, и онъ живетъ съ нею. Узнавъ отъ него, что его можетъ осилить Илья Швець, она посылаетъ съ двумя голубями письмо къ отцу съ просьбою прислать Илью, который и убиваетъ змѣя.

3) Сказка у Руликовскаго (Rulikowski, Zapiski etnograficzne z Ukrainy. Krakow. 1879, стр. 6—8)

начинается также съ а) эпизода объ Ильѣ сиднѣ. Старикъ» давшій ему силу, говоритъ: пусть попроситъ отца—купить ему у попа паршиваго жеребенка, изготовить жѣлезную булаву въ четыре пуда, оловянную шапку въ два пуда. Когда жеребенокъ выростетъ съ коня, ты поѣдешь на немъ и убьешь змѣя въ Кіевѣ. б) Илья ѣдетъ; встрѣча съ Соловьемъ; с) въ Кіевѣ всѣ опечалены: змѣй поѣлъ всѣхъ дѣвушекъ, дошла очередь и до княжны: придется отдать ее. Змѣй живетъ въ хижинѣ надъ Днѣпромъ; Илья убилъ змѣя своей шляпой и женится на княжнѣ.

4) Недавно г. Эварницкій (Очерки по исторіи запорожскихъ казаковъ и Новороссійскаго края. С.-Пб. 1889, стр. 166—172) сообщилъ еще малорусскую, сказку того же содержанія: а) Илья сидень б) выѣздъ и бой съ змѣемъ, залегавшимъ воду, пока ему не дадутъ утромъ и вечеромъ одну душу на «пожраніе». Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ царевну, которая надѣваетъ ему на палець кольцо. На обратномъ пути

онъ засыпаетъ, положи голову («а голова словно бочка») на колѣна царевны; коли надо будетъ, пусть разбудить его, уколовъ иглой въ пятку. Пока онъ спалъ, пріѣхалъ бондарь и говоритъ дѣвушкѣ: «Брось ты Илью, поди лучше за меня замужъ, а отцу скажи, что я отвелъ тебя отъ смерти». Дѣвушка бросилась будить Илью, качала, качала ему голову, не добудилась, а про иглу и забыла. Бондарь отрубилъ Ильѣ голову, а дѣвушву привезъ къ ея отцу, которому она говоритъ, что тотъ человѣкъ избавилъ ее отъ смерти, и она должна пойти за него замужъ. Въ это время проходилъ Господь съ св. Петромъ, видитъ убитаго Илью, дохнулъ на него, и онъ ожилъ. «Ну долго же я спалъ!» говоритъ Илья. «Спалъ бы еще дольше, цѣлый бы вѣкъ, еслибъ не мы». Илья идетъ на свадьбу; царевна сидитъ, надрывается, увидѣла на порогѣ человѣка, у него на среднемъ пальцѣ кольцо горитъ огнемъ. Признала Илью и прыгъ къ нему черезъ столъ: Вотъ, говоритъ, кто меня отъ смерти

спасъ, а не поганый бондарь! Бондаря схватили, а царевну за Илью отдали.

Всюду Илья убиваетъ змѣя и освобождаетъ дѣвушку; либо она обречена ему на пожраніе, либо онъ насилуетъ ее своею любовью. Какой изъ двухъ мотивовъ древнѣе — этотъ вопросъ разрѣшится для насъ вмѣстѣ съ другимъ болѣе общимъ: въ какихъ отношеніяхъ стоятъ сказки объ Ильѣ змѣборцѣ къ былинамъ о немъ, не знающимъ этого сюжета? Должны ли мы предположить случайное примѣненіе сказочнаго мотива о змѣборцѣ къ имени Ильи, или это примѣненіе не случайное, а въ былинахъ объ Ильѣ были и еще распознаваемы данныя его объясняющія?

Я стою за послѣднее. Въ моихъ «Южнорусскихъ былинахъ», гл. X, я указалъ на чередованіе именъ Ильи и Алеши Поповича въ былинахъ совершенно одинаковаго содержанія: Тугаринъ обнасилъничалъ Кіевъ въ былинѣ объ Алешѣ, Идолище въ пѣсняхъ объ Ильѣ; Идолище не даетъ воли князю съ княгинею, «у княгини держитъ руки въ пазухѣ»

(Кир., IV, стр. 18 слѣд.); то же говорится о Тугаринѣ; если въ былинѣ о немъ и Алешѣ насиліе Тугарина представляется, какъ пріятное княгинѣ, то я объяснилъ это (1. с., стр. 354) подновленіемъ, въ уровень съ позднѣйшимъ типомъ падкой на любовныя шашни Апраксѣевны. Въ началѣ Тугаринъ могъ быть просто насильникомъ княгини, какъ Идолище въ былинѣ объ Ильѣ; богатыри освобождали княгиню отъ того и другаго «змѣевича», ибо какъ за Тугариномъ постоянно это прозвище, такъ и эпитетъ Идолища: Скоропить, Скоропѣвичъ, не что иное, какъ тотъ же змѣевичъ (1. с.). Илья избавлялъ княгиню отъ врага «змѣевича»; такъ могла пѣть древняя былина, а сказка привязала къ этимъ отношеніямъ мотивы о змѣеборствѣ: змѣй залегаетъ воду, и дѣвушка назначена ему въ жертву (№№ 3, 4); № 4 развиваетъ этотъ сюжетъ и далѣе—извѣстнымъ въ схемѣ змюеборца мотивомъ: объ обманщикѣ, приписывающемъ себѣ честь подвига. Либо змѣй—насильный любовникъ,

№№ 1 и 2; въ этомъ смыслѣ комментироваль № 1 Аѳанасьевъ; я ограничусь указаніемъ на наши былины. Сказка № 1, наиболѣе разложившаяся, судя по стилю, сохранила въ такомъ случаѣ болѣе древнюю черту, чѣмъ №№. 3 и 4.

Я говорю пока о развитіи сказки изъ былины, не на оборотъ, въ предположеніи, что содержаніе послѣдней, въ ея древней стадіи, было менѣе фантастическимъ, идеально отразившимъ извѣстныя историческія воспоминанія. Мотивъ змѣборца, спасающаго дѣвушку, былъ на столько популярень въ сказкѣ и легендѣ, что сохранился бы въ былинѣ болѣе яркими чертами, еслибы въ немъ дана была...

Изъ четырехъ знакомыхъ намъ вариантовъ сказки объ Ильѣ и змѣѣ три записаны на югѣ, одна (№ 3) даже локализована въ Кіевѣ, къ которому привязана легенда о другомъ змѣборцѣ, Кириллѣ или Никитѣ Кожемякѣ, также спасающемъ царевну отъ змѣя, въ обстоятельствахъ тождественныхъ съ Драгомановскимъ вариантомъ: царевна

послана въ дань змѣю, который полюбилъ ее и взялъ себѣ въ жены; она узнаетъ отъ него, что его можетъ побѣдить только Никита или Кирилла Кожемяка, и также посылаетъ письмо къ отцу съ голубкомъ (сл. Аѳанасьева, Народныя русскія сказки, № 85 и примѣч.). Кожемяку народнаго преданія сближали съ усмошвецомъ Несторовой лѣтописи подъ 992 годомъ; Илья Швець варианта Драгоманова сохранилъ это обозначеніе. Если эпизодъ лѣтописи объ Усмошвецѣ, поборовшемъ печенѣжскаго богатыря, удержался въ народной памяти въ чертахъ сказки о змѣборцѣ, то и древняя былина объ Ильѣ (или Алешѣ), спасшемъ какую-то царевну или царицу отъ насильника «змѣевича», могла вызвать такое же развитіе по мотивамъ сказки о богатырѣ, спасающемъ дѣвушку отъ непрошеннаго любовника, змѣя; развитіе, приставшее къ былинѣ подъ вліяніемъ мѣстныхъ (кіевскихъ) легендъ о змѣборцахъ: — Кожемякѣ, Кузьмѣ и Демьянѣ, Борисѣ и Глѣбѣ.

Илья Швець напомнилъ намъ Нестерова усмошвеца; разказывая о его силѣ, отецъ говорить: «единою бо ми ѥ сварящу и оному мьнушо усние, разгнѣвавъсе на мя, преторже черви рукама». Укажу по этому поводу на богатыря Чоботка, котораго, по словамъ Кальнофойскаго, народъ смѣшивалъ съ Ильей, тогда какъ Лассота различаетъ обоихъ, какъ, вѣроятно, и русскій паломникъ первой половины XVII в., отрывокъ изъ записокъ котораго недавно напечатанъ былъ архимандритомъ Леонидомъ (Кіевская старина 1890, февраль: Документа, извѣстія и замѣтки, стр. 345): «Да еще человекъ именемъ Чеботокъ въ пещерѣ вкопалъ себя по плечи и сказалъ передъ Спасомъ: До тѣхъ поръ не изыду отъ сего святого мѣста, дондеже земля обновится ко страшному и праведному дню судному; якоже Богъ благоволитъ, тако и будетъ». Я предположилъ (Южно-русск. былины, вып. I, стр. 32, прим. 2) въ названіи Ильи «чеботкомъ» отраженіе какой-нибудь

эпической черты, забытой въ былинахъ о немъ; нѣтъ ли связи этого народнаго прозвища съ Швецомъ Драгомановскаго варианта, съ черевями Несторовой легенды? Это позволило бы намъ...

II.

Съ сказками объ Ильѣ и змѣѣ мы сопоставимъ другія: объ Ильѣ и Идолицѣ. Изъ трехъ финскихъ версій, приведенныхъ мною (см. Мелкія заметки къ былинамъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Мартъ 1890 г., стр. 6 и слѣд.) въ №№ 1 и 3 эпизодъ о Соловьѣ слѣдуетъ за эпизодомъ объ Идолицѣ; въ № 2: Соловей, Идолице. Такъ (отчасти) въ вотяцкой сказкѣ объ Ильѣ¹⁾ а) Илья сидень; его выѣздъ; какой-то богатырь отсовѣтываетъ ему ѣхать по дорогѣ на которой сидитъ Соловей разбойникъ. Илья (совершенно не мотивированно) хвалится своимъ кафтаномъ, конемъ и лукомъ: забытый эпизодъ о станишникамъ. — б) Соловей:

1) *Верещагинъ*, Вотяки Сосновскаго края. С.-Пб. 1886, стр. 142 слѣд.

Илья привезъ его въ городъ, показываетъ царю, убиваетъ за ослушаніе; царь жалуется Ильѣ, что у него въ городѣ ходитъ с) Чудовище Обжора, съѣдающій въ день по цѣлому быку и выпивающій по 40 ведеръ пива. Илья убиваетъ его.— Слѣдуетъ, какъ въ финскихъ сказкахъ, эпизодъ о Святогорѣ; но смерть въ гробу перенесена на Илью.

Интереснѣе бѣлорусская сказка объ Ильюшкѣ, гдѣ Идолицу отвѣчаетъ Прожора: а) Илья сидень; б) выѣзжаетъ бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго Сокола побивать». Пріѣхаль въ царство царя Прожора. «Ень по дзесяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягидный Соколь яму доставлявъ ѣсь. Ень, нягидный Соколь, якъ свисьни, дакъ на двананцать версть даленій чаловѣкъ упадая — крѣпко силянъ бывъ. И доставлявъ яму, цару Прожору, по дзесяць чаловѣкъ у дзень. И сядзѣвъ тэй нягидный Соколь на двананцати дубахъ одзинъ, и у яго двананцать роговъ». Илья отрубиль ему голову и везеть съ собою къ царю с) Прожору. Тотъ услышалъ, что кто-то

ѣдетъ: Кого это мой Соколь допустилъ? Илья показываеъ ему его голову и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцатипудовою шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозъ стѣну. — Все это, какъ и дальнѣйшіе подвиги, понято, какъ очищеніе бѣлаго свѣта; такъ говоритъ Илья отцу — матери, вернувшись домой. Поболѣвъ три дня, онъ преставилъ «и поступивъ у свѣтъ—святой Ильюшка». «Вотъ, говора, буду громовой тучей завѣдуваць». Его схоронили въ склепѣ. «Господзь такъ давъ: ни хто яго не знавъ, ня видзѣвъ, — отправився ёнь водой склепи у Кіевъ, у пещеры, плывъ по Сожи по рацѣ. И оявился, и получивъ сабѣ свѣтъ у пещеры» (Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, т. I, вып. 3: Сказки, № 44. О св. Меркуріи Смоленскомъ, также приплывшемъ въ Кіевъ «во гробѣ», сл. Буслаева, Очерки, II, 194).

Если Идолище Скоропѣевичъ—змѣй, то мы получили въ приведенныхъ сказкахъ ту же послѣдовательность, что и въ разказахъ объ Ильѣ-змѣборцѣ №№ 1 и 2: Соловей, змѣй—Соловей, Идолише—

Чудовищная птица и змѣй Демьянище духовнаго стиха о Егоріи. О послѣднемъ говорится въ стихѣ, что онъ раскрошилъ змѣя на мелкія части (Разысканія, II, стр. 144); румынскія пѣсни и преданія подсказываютъ, что изъ головы змѣя, убитаго Георгіемъ, зародились черви и мухи, какъ и въ вариантахъ нашего стиха змѣя разсыпается «на гаденыши, начервеныши» (1. с., стр. 147—148, прим. 1), а въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ пепель сожженнаго змѣя, развѣянный по воздуху, породилъ всякую погань: мошекъ, комаровъ и мухъ (Кулишъ, Зап. о южной Руси, II, стр. 30). И для этого эпизода сказки объ Ильѣ представляютъ аналогію: въ малорусской легендѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 6: Народныя легенды про Кіевъ и его окрестности) соловьевъ до Ильи Муромца не водилось: они вышли изъ тѣла Соловья-разбойника, разрубленнаго Ильей на куски, не больше маковыхъ зеренъ. Такъ и въ Чувашской сказкѣ, гдѣ Илья наѣзжаетъ на гигантскаго соловья: его гнѣздо на семи

ветлахъ, свистъ слышенъ за семь верстъ; Илья разсѣкъ его на части, изъ кусковъ убитаго выросли большія и малыя птицы (Разысканія, VIII, стр. 352—353).

Былины не знаютъ при Ильѣ змѣя и эпизодъ о Соловьѣ отдѣляютъ отъ эпизода объ Идолищѣ-змѣѣ, которые сказки могли привести во внутреннюю связь, либо въ связь последовательности.

Возможно ли предположить обратное развитіе: отъ сказки или выражавшей ее цѣльной былины — къ отрывочнымъ пѣснямъ нынѣшняго состава, отъ цѣлаго — къ раздробленнымъ эпизодамъ, при совершенномъ забвеніи ихъ древняго соотношенія? Мы выставляемъ предположеніе, діаметрально противоположное тому, котораго держались до сихъ поръ. Вызвано оно тѣмъ соображеніемъ, что при гипотезѣ: Идолище—змѣй финскія, белорусская и малорусскія сказки, записанныя на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, отразили ту же послѣдовательность изложенія: Соловей (Соколь) — и Идолище

или змѣй. Это указываетъ какъ бы на древнюю схему и связь эпизодовъ, когорую можно вмѣнить пра-былинѣ, лишь въ послѣдствіи распавшейся на...

III.

Мотивъ объ освобожденіи Ильей дѣвушки отъ чудовища (змѣя?) легъ въ основаніе латышской сказки объ Илинѣ¹⁾ — въ смѣшеніи съ другими: Илья сидень; идетъ смотрѣть на свѣтъ; какъ въ финскихъ побывальщинахъ у него три встрѣчи (Соловей, Идолице, Святогоръ), такъ могло быть и въ оригиналѣ сказки, которая разработала этотъ мотивъ по схемѣ другихъ, типически представленныхъ №№ 71—73 и 80—81 сборника Аѳанасьева²⁾: три брата, либо три богатыря на поискахъ за царевной (матерью № 71 b, c, царевнами №

1) *Трейландъ*, Латышскія народныя сказки (Москва. 1887), № 99.

2) Сл. *Cosquin*, *Contes populaires de Lorraine*, №№ XIX и LI и прим.; абхазскую сказку о Рустамѣ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VI, приложенія стр. 20 слѣд.) и грузинскую о Ломъ-Каци (1. с., вып. X, отд. III, стр.54 и слѣд.: Судьба).

80), унесенною Вихремъ (№ 71 b), Нечистымъ духомъ — Ворономъ Вороновичемъ (№ 71 c), Змѣемъ Черноморскимъ (№ 72). Змѣемъ (№ 80). Братья или товарищи спускаютъ богатыря въ подземелье, гдѣ онъ бьется съ чудовищами; типическою чертою является при томъ, что богатырь, по указанію красавицы, переставляетъ чаны съ сильной и малосильною водой и пьетъ изъ перваго, приготовленнаго для себя противникомъ. Такъ и въ легендѣ о Кириллѣ Кожемякѣ и змѣѣ, пересказанной Трусѣвичемъ (Кіевлянинъ 1866 г., № 4); — Вытащивъ изъ подземелья красавицу, вырученную богатыремъ, его товарищи обрубали ремни, на которыхъ поднимали его самого; онъ падаетъ, но въ послѣдствіи выходитъ на бѣлый свѣтъ, вынесенный чудесною птицей.

По этому типу развивается вторая половина латышской сказки: Илинъ встрѣчаетъ поочередно трехъ великановъ: одинъ вырывалъ сосновый лѣсъ съ корнями, другой грудью горы обваливалъ, третій лежитъ въ морѣ, только голова на

сушѣ, а борода длиною въ шесть-десять сажень. Помѣрившись съ ними силой, Илинъ ѣдетъ съ ними въ товарищахъ. Старикъ съ длинной сѣдой бородой выходитъ изъ подъ земли, сѣдаетъ обѣдъ, изготовленный однимъ изъ товарищей Илина; только ему одному удается защемить бороду хищника, который однако вырвался и ушелъ. Богатыри приходятъ къ пещерѣ, куда на ремняхъ спускаютъ Илина; тамъ дѣвица-красавица, дочь того старика, съ которымъ Илинъ и бьется, обмѣнявъ местами, по совѣту дѣвушки, двѣ бочки, стоявшія на дворѣ, и испивъ изъ той, вода которой придавала силу. Развязка та же, что въ приведенныхъ выше сказкахъ: товарищи Илина вытащили красавицу и, принимаясь тащить его самого, обрубилъ ремни. Его выносить бѣлый гусь, нагнавъ измѣнниковъ, онъ отбираетъ у нихъ дѣвушку, на которой и женится.

Кавказскія сказки указаннаго типа представляютъ любопытное смѣшеніе ихъ обычной схемы съ — схемой змѣборца, такъ что мотивъ освобожденія является въ

нихъ вдвойнѣ. Рустамъ или Ломъ-Каци (чудесно рожденный отъ яблока) идетъ въ товарищахъ съ силачами: одинъ надѣль два жернова на ноги и мелеть муку (или догоняетъ зайца), другой, усѣвшись въ рѣкѣ, всю ее осушаетъ и т. д. Чудовище, великанъ похищаетъ обѣдъ у товарищей богатыря, который одинъ справляется съ противникомъ. Слѣдуетъ спускъ въ подземелье, освобожденіе красавицы (либо трехъ), которую товарищи и извлекаютъ, оставивъ богатыря. Дѣвушка предвидитъ измѣну и предупреждаетъ своего освободителя: въ сосѣднемъ покоѣ онъ увидитъ двухъ коней, вороного и сиваго (либо бѣлаго барана и черного козла); коли перепрыгнетъ черезъ перваго, очутится подъ землею, коли черезъ сиваго, попадетъ на бѣлый свѣтъ. Оставшись одинъ, богатырь перепуталъ эти указанія — и очутился подъ землею. Онъ проситъ у одной старухи напиться; та говоритъ, что у нихъ рѣкою владѣетъ чудовище, никому не дающее воды, кто не заплатитъ человѣкомъ; либо змѣя въ родникѣ, требующая за то

ежедневно какой-нибудь подарокъ: сегодня очередь нести его за царской дочерью. Богатырь убиваетъ чудовище, змѣя; вода покраснѣла отъ его крови; обмакнувъ въ нее руки, царевна прикладываетъ ихъ къ спинѣ богатыря, котораго по тому и узнали. Когда однажды онъ покоится подъ деревомъ, видитъ лисицу — или змѣю, подкрадывавшуюся къ гнѣзду, чтобы съѣсть птенцевъ; онъ убиваетъ хищника и благодарная мать выноситъ его на своихъ крыльяхъ¹⁾). По дорогѣ у него не достало для нея корму, тогда богатырь отрѣзываетъ часть своего бедра и отдаетъ птицѣ, которая прячетъ ее подъ языкомъ; доставивъ богатыря и замѣтивъ, что онъ хромаетъ, она извергла кусокъ мяса, приставила, куда слѣдуетъ, помазала перомъ, — и нога выздоровѣла.

Я считаю вѣроятнымъ, что въ сказку о трехъ товарищахъ-братьяхъ Илья попалъ

1) О мотивѣ героя, убивающаго змѣя, и благодарной птицы см. у *Cosquin*, 1. с., I, стр. 221; II, стр. 141 слѣд.; сказку объ Ильѣ — Удовкинѣ сынѣ (Южно-русскія былины, вып. II, стр. 51); *Mariani Ornitologia*, I, 137 слѣд. и *Radloff*, *Proben*, IV, стр. 26 слѣд. гдѣ птица *Zuzolo* свила гнездо на семи тополяхъ, выросшихъ изъ одного корня, верхушки которыхъ она стянула вмѣстѣ. См. *О. Миллерг*, Илья Муромецъ, стр. 273, и далѣе болгарскую сказку о Георгіи.

уже въ качествѣ змѣборца, какъ св. Георгій-змѣборецъ въ такую же схему недавно изданной болгарской легенды²⁾).

Георгій овчаръ, сильный какъ левъ; у него красавица жена и два брата, которые ненавидятъ его и, желая овладѣть его женою, бросаютъ его, соннаго, въ пропасть, гдѣ онъ очутился въ черномъ царствѣ: и царь, и люди, и овцы, которыхъ и здѣсь принялся пасти Георгій. Слѣдуетъ эпизодъ чуда: ламія залегала воду; коли дадутъ ей на пожраніе человѣка, вода течетъ, а то нѣтъ. Очередь дошла до царевны. Георгій обѣщаетъ освободить ее и передъ боемъ засыпаетъ, прося разбудить его; она не рѣшается его потревожить, слеза, канувшая ему на лицо, будитъ его. Ламія убита; разставаясь съ Георгіемъ, царевна дѣлаетъ ему на платѣ знакъ кровью ламіи. Георгій ложится отдохнуть подъ деревомъ, по которому взбирается змѣя, чтобы пожрать птенцовъ, сидѣвшихъ въ гнѣздѣ; онъ убиваетъ змѣю, и благодарная мать

²⁾ Сборникъ за народни умотворения, ваука и книжнина, кн. I (Софія. 1889), Народни умотворения, стр. 118—120.

птенцовъ обѣщаетъ вынести его на свѣтъ; для этого пусть запасется хлѣбомъ, мясомъ и водою. Георгій идетъ просить о томъ царя, узнанъ по примѣтѣ, положенной на него царевной. Птица несетъ его, и Георгій кормить ее по дорогѣ; когда пищи не хватило, онъ отрѣзалъ себѣ кусокъ изъ-подъ ноги и далъ птицѣ: оттого у людей выемка подъ ступней. Это такая же *legende des origines*, какъ и слѣдующая: вернувшись, Георгій задумалъ наказать братьевъ; идетъ съ ними въ лѣсъ, раскололъ дерево, велѣлъ братьямъ всунуть руки, чтобы разнять его, и когда тѣ такъ и сдѣлали, даетъ частямъ снова сойтись. Руки защемило: оттого у людей ладони плоскія.

Братья Георгія известны были уже автору поэмы о немъ, Рейнботу von Durne (XIII в.), братъ упоминается въ прологѣ къ *Huon de Bordeau* и у автора втораго Титуреля (Разысканія, II, стр. 122), но они не враждебны герою. Такъ и въ португальской сказкѣ¹⁾, гдѣ Георгій

1) *Coelho*, Contos populares portuguezes, № 49.

является чудесно-рожденнымъ послѣ долгой бездѣтности родителей²⁾): его отецъ поймалъ рыбу, которая наказываетъ ему — раздѣлить ее на шесть частей; двѣ пусть съѣсть его жена, двѣ кобылица, а двѣ пусть онъ посадить за воротами сада (quintal). Жена родитъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ — Георгій (Jorge), кобылица принесла двухъ жеребятъ, а въ саду выросли два копя. Возмужавъ, Георгій съ братомъ выѣхали на подвиги; разставаясь съ братомъ, онъ даетъ ему вѣтку (ramo de manjericao): когда она завянетъ, знай, что я въ опасности. Слѣдуетъ эпизодъ о змѣѣ, котораго Георгій убиваетъ, спасая царевну. Она назначена ему въ жены; въ это время братъ его замѣчаетъ, что вѣтка завяла, ѣдетъ къ Георгію, а онъ говоритъ ему: ты знаешь, что въ силу обѣтовъ, мною данныхъ, я не могу вступать въ бракъ; возьми голову змѣя и покажи королю; онъ подумаетъ, что ты убилъ чудовище, и выдастъ за тебя дочь.

2) Разысканія, II, стр. 113 слѣд.

Такъ и сдѣлалось; а Георгій сталъ главнымъ военачальникомъ, много подвиговъ совершилъ для родины, а по смерти былъ канонизованъ.

Возвращаясь къ схемѣ о Георгіѣ-змѣборцѣ и его непріязненныхъ ему братьяхъ и развивая сказанное въ другомъ мѣстѣ (1. с., стр. 123—124 и VIII, 331), я считаю вѣроятнымъ, что эта легенда-сказка знакома была автору поэмы о Вольфдитрихѣ, змѣборцѣ, ратующимъ за красавицу (вдову Ортнита), крестникъ св. Георгія, гонимомъ своими братьями. Для исторіи народной легенды о Георгіѣ получился бы такимъ образомъ не лишенный значенія хронологическій моментъ.

Для пѣсенной хронологіи Ильи я могу высказать лишь нѣсколько гипотезъ, уже намѣченныхъ въ предыдущемъ очеркѣ. 1) Въ основѣ лежали пѣсни болѣе историческаго характера: Илья боролся съ насильниками (Соловей, Идолице), освобождалъ княгиню, дѣвушку; отдѣльные эпизоды этого эпоса сохранились, въ той

же окраскѣ, въ отдѣльныхъ дошедшихъ до насъ былинахъ; внѣшняя связь установлена между ними новымъ кievскимъ приуроченіемъ Ильи: Соловей залегаль ему дорогу къ Киеву, Идолище являлось въ Киевѣ въ отсутствіе Ильи. Первоначальная послѣдовательность могла быть такая же, какъ въ сказкахъ типа: Соловей—Идолище. Гдѣ представляли себѣ это Идолище? Былины знаютъ его въ Киевѣ, Царьградѣ и Іерусалимѣ; оно—поганое, жидовское (такъ въ Буслаевомъ спискѣ былины о «семи богатыряхъ»), — хотя, быть можетъ, и не въ томъ смыслѣ, какой я придавалъ былинному Жидовину-нахвалящику, съ которымъ борется Илья. Кстати о Жидовинѣ: г. Халанскій¹⁾ устраняетъ поддержанное мною отождествленіе его съ Хазариномъ, основываясь на сербскихъ пѣсняхъ о Джидовинѣ, Джидичѣ-исполинѣ и врагѣ, на существованіе въ Сербіи и Болгаріи такихъ же «джидовскихъ гробищъ», какія я указалъ въ Румыніи,

¹⁾ *Русскій Филологическій Вѣстникъ* 1890 г., № 1-й, стр. 7 и слѣд.: Былина о Жидовинѣ.

наконецъ на томъ обстоятельстве, что сербы различаютъ жидъ: judaeus и джидъ: gîgas, болгары евреина отъ жида: gîgas. Г. Халанскій предполагаетъ въ основѣ: gîgas = гигъ («гигово поле» въ Видѣніи Исаяи), откуда *джигъ и, подѣ влияніемъ созвучія, между прочимъ, съ жидъ: judaeus, — джидъ, жидовина: гигантъ, имя и образъ котораго могли пройти, напримѣръ, черезъ запорожскихъ и донскихъ казаковъ, изъ сербской пѣсни въ русскую, гдѣ пристали къ готовому уже мотиву сходнаго содержанія. Жидовинь, какъ еврей, принадлежитъ, стало быть, русскому усвоенію, какъ и «жидовская могила» въ Подольской губерніи на берегу Днѣстра? Странно, что именно въ Болгаріи, гдѣ жидъ = gîgas отличенъ отъ евреина, кралевичъ Марко бьется не съ жидомъ, а съ желтымъ евреинемъ-великаномъ²⁾, а въ сербской сказкѣ у Вука (№ 35) жидъ выступаетъ въ роли великана-людоѣда. Я полагаю, что гипотеза gîgas: джидъ освятить намъ не

²⁾ Качановскій, Пам. болг. народн. творчества, № 162. Сл. жлто Еврейче у Миладиновыхъ, № 164.

столько южно-славянскія повѣрья объ исполинахъ, сколько загадочное усвоеніе славянами слова *judaeus* въ формѣ: жидъ.

2) Вторую ступень развитія были объ Ильѣ представляетъ сказка-пѣсня типа: Соловей—Змѣй. Она могла сложиться въ мѣстности, гдѣ популярны были легенды о змѣборцѣ. Если вѣроятна догадка, высказанная выше по поводу Чоботка, то легенда объ Ильѣ-швецѣ ходила уже въ XVII вѣкѣ. Но я не стою за эту гипотезу, тѣмъ болѣе, что считаю образъ Ильи-змѣборца болѣе древнимъ.

3) Такая пѣсня-сказка объ Ильѣ, съ Соловьемъ и Змѣемъ и освобожденіемъ женщины, могла въ свою очередь дать планъ, по которому нашъ большой стихъ о Егоріѣ Храбромъ разработалъ мотивъ его чуда съ змѣемъ.

Изложенное мною построено на трехъ посылкахъ: 1) Сказка, какъ комплексъ, продуктъ постоянныхъ искаженій и приращеній изъ другихъ мотивовъ, но ея общія схемы (схема о змѣборцѣ) крѣпки самимъ себѣ; съ другой стороны, отсутствіе

мѣстнаго приуроченія не вызывало въ нихъ тѣхъ перемѣнъ плана, какія могли произойти въ составѣ былинь вслѣдствіе ихъ циклизаціи вокругъ Кіева и Владимира.

2) Илья въ Ортнитѣ — внѣ связи съ Владимиромъ, и въ Тидрексагѣ — въ связи съ нимъ — не обличаетъ въ своемъ типѣ ничего фантастическаго, хотя, на примѣръ, въ нѣмецкой поэмѣ рядомъ съ нимъ уже стоитъ змѣборецъ Ортнитъ. Это побудило меня предположить точкой отправленія болѣе историческій, трезвый типъ Ильи, отъ котораго и пошло дальнѣйшее развитіе.

3) Вторая часть большого стиха о Георгіѣ не предусматрѣна ни его житіемъ, ни стихомъ о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; ея своеобразную схему (Нага— Змѣй) легче всего объяснить изъ сходной сказки объ Ильѣ (Соловей—Змѣй), элементы которой, особенно фантастическій образъ Соловья, издавна пристали къ Ильѣ Муромцу.

Александръ Веселовскій.